

О детстве и юности Яши Никитина. Воспоминания сестры *Н.Ю. Никитина*

Н.Ю. и Я.Ю. Никитины. Милан, июнь 2019 года

Когда жена брата Таня сообщила мне о создающемся сборнике воспоминаний о Яше и попросила что-нибудь туда написать, это повергло меня в замешательство. Будут ли интересны кому-нибудь мои в общем-то скудные воспоминания о его юных годах, до поступления в университет и до знакомства со всеми его теперешними друзьями, коллегами и учениками? Но Таня убедила меня в том, что я – практически единственный оставшийся свидетель этого периода. В результате появились эти странички, состоящие частично из семейных легенд и некоторых эпизодов, в которых участвовала и я.

Когда Яша родился – а это был трудный послевоенный период, – нужно было купить детскую ванночку для купания и весы для взвешивания. У папы было ленд-лизовское кожаное пальто и американские ботинки, и мама его послала на знаменитую барахолку где-то у Варшавского вокзала обменять их на нужные семье вещи. Папа был человеком крайне непрактичным, в результате чего его обманули: пальто всё же удалось обменять на весы, а ботинки просто украли. Эти весы потом долгое время все молодые родители на нашей лестнице брали у нас «напрокат».

Однажды, когда Яше было года три-четыре, он гулял с няней (которую, кстати, обожал) в саду им.Дзержинского, расположенного прямо

у нашего дома (сейчас он снова называется Лопухинским). Там его заметил помощник режиссёра с «Ленфильма» и попросил родителей предоставить его, думаю, как редкого для того времени здорового мальчишку с румяными щеками, для съёмок в документальном фильме о послевоенной жизни в СССР. Родители согласились, и Яша там участвовал в маленьком эпизоде, но название фильма, к сожалению, забылось.

Мы с Яшей в 1956 году

Когда я родилась, Яша как раз пошёл в школу. Это была школа № 69 на углу Кировского (теперь Каменноостровского) проспекта и улицы Скороходова (Большой Монетной). Эта школа имеет свою интересную историю: в середине XIX в. сюда был переведён знаменитый Царскосельский (Александровский) лицей. В этой школе училась до войны и наша мама. Кстати, с ней в одном классе учился некоторое время Павел Кадочников, будущая звезда советского кино. Школа была восьмилеткой, поэтому потом Яша перешёл во «французскую» школу № 392 на Промышленной улице у Кировского завода. Об этом периоде прекрасно написала Ира Коновалова, с которой он там подружился и сохранил эту дружбу на всю жизнь.

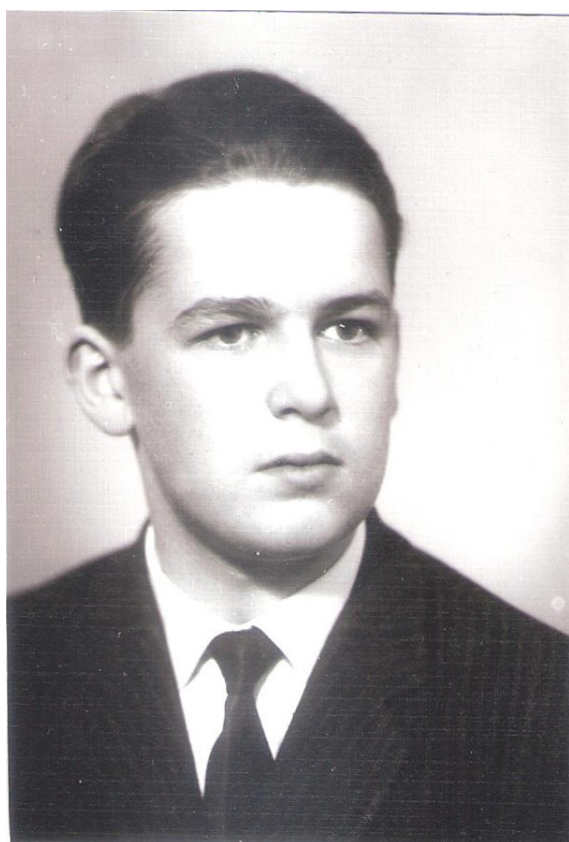
Летом 1959 года мы поехали в Коктебель, который в то время был мало кому известным небольшим посёлком, называвшимся Планерское, до которого массовый туризм тогда еще не добрался. Родители сняли комнату в приличном каменном доме, но неожиданно столкнулись с проблемой: летом в посёлке практически не было воды – её привозили раз в день в цистерне и на каждый дом выдавали по несколько вёдер. Из дачников в посёлке тогда жило всего несколько семей, в основном, москвичей с детьми, и Яше удалось найти себе среди них компанию. От былой дореволюционной славы там осталась дача Волошина, ставшая со временем музеем, пансионат Союза писателей и небольшой кусок прогулочной набережной со знаменитой верандой, откуда открывался вид на потухший вулкан Кара-даг. Это место в восточном Крыму для нас

открыл наш папа: будучи геологом, он хорошо его знал, поэтому и решил нас туда привезти. Он водил нас на экскурсии в бухты, где показывал нам всякие вулканические редкости, мы искали агаты и сердолики в гальке на пляже и однажды даже поднялись на вершину вулкана к Чёртову пальцу.

Все дни мы проводили на пляже. Яша с папой по утрам ходили на рынок, где покупали пару огромных арбузов, которые закапывали для охлаждения в прибрежную гальку, а потом ели (почему-то ложкой). Мы с Яшей, как и положено детям, плевались друг в друга косточками, чем вызывали мамино возмущение.

Яша хорошо плавал, т.к. уже несколько лет ходил в бассейн на улице Правды. Часто он меня зазывал в море и показывал разные стили. Особое впечатление на меня произвёл «баттерфляй» в его исполнении. Уже учась в университете, он тоже ходил по вечерам в бассейн, я даже помню его бело-голубую купальную шапочку, которую он сушил на батарее у нас в комнате.

Зимой мы всей семьей по воскресеньям выезжали кататься на лыжах в Кавголово или в Солнечное, где была лыжная база от папиного института. Мы доезжали до ближайших гор (я обычно ехала у папы на буксире), меня «парковали» внизу, а Яша лихо съезжал с горы на лыжах. Позже, поступив в университет, он с нами больше не ездил.

Яше 16 лет

Яша неплохо играл в шахматы и научил играть и меня, но мне не нравилось ему постоянно проигрывать, и он иногда играл с папой. Они не пропускали ни одного важного чемпионата по шахматам, следя за ним по радио, обсуждая ходы и стратегию игры. От них я тогда и услышала фамилии Спасского, Ботвинника, Таля, т.к. каждый из них болел за «своего» гроссмейстера.

Долгое время мы выписывали газету «Советский спорт», и папа с Яшей вместе разыгрывали и комментировали шахматные партии, которые там публиковались. С этой газетой Яша не расставался и позже, когда женился и переехал жить в квартиру на Невском¹.

---

¹ «Советский спорт» Яша выписывал все пятьдесят с лишним лет нашей семейной жизни. Газеты продолжали приходить и после 22 июня 2020 года. Стопка «Советского спорта» долго лежала на яшином письменном столе... – Прим. Т.П. Никитиной.

На первом курсе университета он увлёкся модным тогда «культуризмом» и ходил им заниматься на стадион Ленина, а потом дома поднимал гири, упражнялся с гантелями и с гордостью показывал мне свои накачанные мускулы.

В футбол он не играл, хотя слушал все передаваемые по радио матчи и обсуждал их с папой. Потом, когда в 1958 году у нас появился телевизор, он уже не пропускал ни одного матча и стал настоящим футбольным экспертом. Забавно, что в конце девяностых годов он пристрастил к футболу и маму, которой тогда было уже почти 80 лет и которая футболом раньше совершенно не интересовалась. Однажды он попросил ее посмотреть один важный для него футбольный матч и записать, что там будет происходить, т.к. куда-то уезжал в тот день и не мог его посмотреть по телевизору (ведь домашней видеозаписи тогда еще не было). Яша ей рассказал, в чём заключается игра, объяснил правила. Мама в точности записала все острые моменты матча, список игроков и как и кем были забиты мячи, и потом ему всё пересказала. После этого она сама в течение многих лет не пропускала ни одного матча, став болельщицей «Зенита», и они с Яшей всегда их обсуждали. Когда была возможность, он приходил к ней и они смотрели футбол вместе.

Яша вообще был очень привязан к маме, часто приходил ее навестить, когда она переехала с Кировского проспекта на 4-ю Советскую, звонил ей каждый вечер в половине одиннадцатого, и они подолгу разговаривали. Кстати, когда в 1989 году мама тяжело заболела, он пару месяцев жил у неё на Кировском и ухаживал за ней.

Я с бабушкой. 1 января 1970 года

Наша бабушка по маминой линии, которая всегда жила с нами, тоже принимала большое участие в воспитании детей. Яша очень ее любил и считал самым мудрым на свете человеком. И бабушка его тоже обожала. Я думаю, что он в чём-то напоминал ей, а может быть, даже и заменил нашего дядю Яшу, бабушкиного сына, ушедшего в 23 года добровольцем на фронт сразу после окончания Академии художеств и погибшего в августе 1941 года. Нашего Яшу, кстати, называли в честь дяди. Яша нашёл в интернете все сведения о деревне подо Мгой, где погиб наш дядя, и прислал их мне. Мы с ним даже подумывали съездить туда вместе в один из моих приездов и положить цветы на памятник, сооружённый несколько лет назад в месте гибели полка, но как-то не получилось.

Летом 1967 года мы сняли дачу в Усть-Нарве, но Яша с нами ехать отказался. В то время появилась новая инициатива, которая пришлась по душе молодёжи: можно было путешествовать по стране, используя в качестве оплаты талоны «автостоп». По виду эти талоны представляли собой беленькие билетки, типа современных автобусных, с надписью «автостоп». На них можно было заправиться бензином, поэтому они пользовались популярностью у дальнбойщиков, которые охотно подбирали на дороге попутчиков, расплачивавшихся с ними этими талонами. Яша купил эти талоны «автостоп» и поехал на юг, добравшись на попутках до самого Чопа на границе с Венгрией и Словакией. Потом он переехал на Кавказ, к морю, откуда вернулся сильно загоревшим. Я помню, как он с гордостью показывал мне свой тёмно-коричневый кавказский загар, оплаченный талонами «автостопа».

Яша в 1966 году

С детства родители прививали нам любовь к искусству. Дома у нас была огромная, в несколько тысяч, собранная ими коллекция открыток-репродукций картин русских, советских и зарубежных художников из разных музеев СССР и из некоторых европейских галерей. Эти открытки тогда можно было запросто купить в киосках «Союзпечати». Мы с Яшей потом пополняли нашу коллекцию с помощью «интуристов», которые по нашей просьбе нам присылали репродукции картин из музеев своих стран.

По воскресеньям нас часто водили в Эрмитаж на выставки. Особенно мне запомнилась огромная выставка американского художника Рокуэлла Кента, которая произвела впечатление и на Яшу.

В детстве нас обучали и игре на фортепиано: мы занимались с учительницей музыки, и я помню, как Яша играл какие-то пьесы на нашем пианино фирмы Schroeder. Родители часто ходили в театры и на концерты и брали с собой Яшу. Потом, уже в университете, он ходил в филармонию с друзьями.

Иностранные языки Яша изучал с детства. Сначала это была группа немецкого языка, организованная нашей бабушкой, которая пригласила преподавательницу, Ольгу Эдуардовну. Группу, кроме Яши, посещали, в частности, Маша Эткинд, дочь известного лингвиста Е.Г. Эткинды, который был другом нашей семьи еще до войны, Наташа Фихтенгольц², внучка

---

² С Наташей Фихтенгольц Яша поддерживал контакт на протяжении всей жизни. Наташа была на нашей свадьбе, а вскоре в том же доме мы стали гостями и на ее свадьбе. Встречи друзей детства со временем стали редкими, тем более что Наташа с семьей переехала в США. Тем не менее последняя встреча состоялась сравнительно недавно у нас на Невском, когда Наташа после большого перерыва приехала в Россию. – Прим. Т.П. Никитиной.

математика, автора хорошо известного учебника Г.М. Фихтенгольца, и Саша Козинцев³, сын режиссёра Г.М. Козинцева, с которым была хорошо знакома наша бабушка. Дети ходили с Ольгой Эдуардовной на прогулки, а потом обедали все вместе в одной из семей по очереди. При этом разговаривать разрешалось только по-немецки!

Наташа Фихтенгольц и Яша

Французским языком Яша занимался дома с Маргаритой Ивановной Лебедевой, настоящей француженкой, вышедшей замуж еще до революции за русского инженера Лебедева. Оставшись вдовой, до войны она жила у нас в квартире. В пятилетнем возрасте на пару лет она досталась мне в качестве учительницы французского языка, и я помню строгую старушку, с которой мы рассматривали какие-то картинки и говорили по-французски. Потом я пошла в школу, где был испанский язык, и французский как-то забылся. А Яша французский не оставил, учился во французской школе № 392, а потом уже на матмехе университета занимался языком с прекрасной преподавательницей, наполовину француженкой, Риммой Александровной Пашиной, которая преподавала на межфаке⁴. Яша предложил мне устроить меня в ее группу и замолвил за меня словечко. Так я с ней познакомилась и проучилась у неё целый год. Она всегда очень тепло отзывалась о Яше, называя его своим любимым студентом.

Учась на старших курсах в университете, Яша дважды работал летом в «Интуристе» с французскими группами и приносил мне в подарок полученные от туристов мелкие сувениры типа Эйфелевой башни или не-

---

3 Жизнь Саши Козинцева шла параллельно с жизнью Яши, и они практически не пересекались. Однако сколько совпадений, сколько «знаков судьбы», которые кажутся удивительными! Женой Саши стала тоже выпускница филфака, моя однокурсница Наташа Рихтер! Оба они стали кандидатами, а потом докторами наук и профессорами... – Прим. Т.П. Никитиной.

4 Межфакультетская кафедра иностранных языков. – Прим. Т.П. Никитиной.

Саша Козинцев – Атос, Яша Никитин – д'Артаньян
Домашний спектакль «Три мушкетера», около 1957 года

виданных у нас дотоле шариковых ручек. Он мне подарил сумку с надписью «Общество дружбы Франция–СССР», с которой я сама ходила пару лет в университет, вызывая зависть сокурсников. Когда я училась на втором курсе, он и меня привёл в «Интурист», где я проработала несколько летних сезонов. Несмотря на то, что он работал в «Интуристе» только летом, многие его хорошо помнили, Однажды в гостинице «Лениград» ко мне подошла какая-то переводчица и спросила меня, не сестра ли я Яши Никитина, поскольку она его хорошо знала, а я была на него похожа.

В 60-е годы стал модным английский язык, и мама пригласила к нам на дом преподавательницу филфака Тамару Ивановну Матюшкину-Герке. Сначала с ней занималась я, а через несколько лет, уже студентом университета, к занятиям английским присоединился и Яша. Я помню, как он читал с ней «Унесённых ветром»: эта книга, изданная в США (и неизвестно как попавшая в СССР), на цветной обложке которой был кадр из фильма, долгое время лежала у него на столе.

Начиная с 90-х годов, когда стало возможно выезжать для работы за границу, Яшу стали приглашать читать лекции многие европейские университеты. Благодаря знанию языков Яша мог читать лекции по-английски и по-французски. Много работая в Италии, со временем он овладел в некоторой степени и итальянским, но использовал его лишь в повседневной жизни, т. к. научную информацию предпочитал доносить в полной мере на английском языке.

Когда Яша читал лекции в миланском Католическом университете, он жил у меня, и мы много ездили по окрестностям Милана. Чуть позже, когда его стали приглашать в Римский университет, он стал туда ездить с Таней. О Яшином «итальянском периоде» прекрасно написала Таня.

В школе, где я училась, был прекрасный учитель математики, пришедший к нам сразу после окончания Герценовского пединститута, который привил нам всем любовь к этому предмету. В старших классах он часто давал нам трудные задачи по алгебре и тригонометрии, и мы с удовольствием допоздна над ними бились. Когда становилось понятно, что задачу не решить, я обращалась к Яше (правда, это случалось нечасто), и он мне всегда помогал с решением. Кстати, математика мне очень нравилась, я даже подумывала о поступлении в технический ВУЗ. Но потом перевесила любовь к языкам, и я попала на филфак. Учась в шестом классе, я даже заняла первое место на районной олимпиаде по математике, решив какие-то задачи про бассейны, из которых выливалась вода, и о поездах, выходящих из пунктов А и Б. По странному совпадению олимпиаду проводили в помещении школы № 69, где до этого учился Яша.

Я хорошо помню, как Яша впервые привёл к нам домой свою будущую жену Таню. Это было 7 ноября 1969 года. По этому случаю был организован семейный обед. Таня произвела на меня очень приятное впечатление как своим воспитанием и манерой поведения, так и какой-то «заграничностью». А когда она рассказала, что год назад побывала во Франции, моему восхищению пятнадцатилетней девочки, только начавшей интересоваться модой, не было предела. Особое впечатление на меня произвела её сумочка, лакированные золотисто-оранжевые босоножки и светлые длинные волосы а-ля Марина Влади из фильма «Колдунья» – ведь тогда девушки ходили в стиле «белый верх, чёрный низ», с «халой» на голове или со стрижкой с начёсом.

Бракосочетание Яши и Тани проходило 26 декабря в ЗАГСе на Староневском. Я была впервые на подобной церемонии, из которой я запомнила элегантное танино платье из красивой, блестящей серебром материи и её причёску. Несколько отвлекали от торжественности события постоянно открывающаяся дверь в соседнее помещение (которое оказалось туалетом при кинотеатре) и порывы холодного воздуха, попадавшие в наш зал через открытую дверь.

В новогоднюю ночь у нас дома на Кировском устроили свадьбу, на которую пригласили человек 30 гостей. Мы создали большой зал, куда поставили стол для гостей, для чего пришлось раздвинуть стеклянные двери, разделявшие две большие комнаты. Я сидела за «семейным» столом рядом с Яшей, но он был всецело занят только Таней, сидевшей справа от него, и со мной почти не общался. Рядом со мной сидела наша соседка по квартире, на глазах которой Яша практически вырос, и, улучив момент, она мне шепнула: «А наш Яшка-то лучше всех!» Когда столы убрали, началась «танцевальная часть», которую открыл Яша с Таней под старинные французские песни в исполнении Ги Беара. Это была пластинка, подаренная в свое время Яше с Таней Ирой Коноваловой, а проигрыватель мы

31 декабря 1969 года. Т. Никитина, Я. Никитин, Н. Никитина.

одолжили у соседей. Праздник закончился уже утром, когда ушли последние гости. После свадьбы Яша переехал к Тане на Невский, и мы стали редко видеться.

Я.Ю. и Н.Ю. Никитины. Италия, 1997 год

В конце 90-х годов, находясь в Италии, Яша с Таней остановились у меня в Милане на пару дней. Невольно наблюдая за ними, я отметила, насколько трогательными были их отношения, полные заботы друг о друге и взаимной любви. Брак оказался удивительно счастливым и продлился более 50 лет!

Мне посчастливилось попасть на празднование их золотой свадьбы в декабре 2019 года. В тот вечер от собравшихся я услышала в их адрес не только приличествующие случаю поздравления, но и огромное количество тёплых, искренних, сердечных слов. «Как Яше с Таней повезло, – подумала я, – что они встретились и прожили столько лет в счастье и любви! Ведь в наше время это такая редкость.»

Это была наша с Яшей последняя встреча.